

А.И. Кривоносова
A.I. Krivonosova

**КОНЦЕПТ ГОСТЕПРИИМСТВА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ:
 ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ И ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
 (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЙ И АНГЛОЯЗЫЧНОЙ
 ЛИТЕРАТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ)**

**THE CONCEPT OF HOSPITALITY IN A LITERARY TEXT:
 LEXICO-SEMANTIC AND PRAGMATIC ANALYSIS
 (BASED ON RUSSIAN AND ENGLISH LITERARY TRADITIONS)**

В статье рассматривается концепт гостеприимства как значимый элемент художественного текста, реализующийся на лексико-семантическом и прагматическом уровнях. Материалом исследования послужили произведения русской и англоязычной литературных традиций, в которых ситуации приема, визита, допуска и отказа формируют устойчивые коммуникативные модели и оказывают влияние на развитие сюжета и характер межперсонажного взаимодействия. Анализ направлен на выявление языковых средств репрезентации гостеприимства, описание их семантических характеристик и прагматических функций в контексте художественного повествования. Особое внимание уделяется гостеприимству как когнитивному сценарию, включающему пространственные, ролевые и ценностные параметры, а также механизм его текстовой актуализации. Результаты исследования позволяют уточнить специфику функционирования концепта гостеприимства в различных литературных традициях и определить его роль в моделировании культурных и межличностных отношений в художественном тексте.

Ключевые слова: гостеприимство, концепт, лексико-семантический анализ, прагматический анализ, художественный текст, русская и англоязычная литература.

Статья подготовлена в рамках Государственного задания ГАУГН «Взаимодействие историко-культурных традиций и глобальных тенденций: устойчивость и трансформации ценностей в мировой истории» (FZNF-2026-0003).

The article examines the concept of hospitality as a significant element of a literary text, implemented at the lexico-semantic and pragmatic levels. The research material is based on works of Russian and English literary traditions, in which the situations of reception, visit, admission and refusal form stable communicative models and influence the development of the plot and the nature of interpersonal interaction. The analysis is aimed at identifying linguistic means of representing hospitality, describing their semantic characteristics and pragmatic functions in the context of artistic narrative. Special attention is paid to hospitality as a cognitive scenario, including spatial, role and value parameters, as well

as the mechanisms of its textual actualization. The results of the study make it possible to clarify the specifics of the functioning of the concept of hospitality in various literary traditions and determine its role in modeling cultural and interpersonal relations in a literary text.

Key words: *hospitality, concept, lexico-semantic analysis, pragmatic analysis, literary text, Russian and English literature.*

The research was carried out within the framework of the project "Interaction of historical and cultural traditions and global trends: sustainability and transformation of values in world history" (FZNF-2026-0003).

DOI: 10.24888/2079-2638-2026-69-2-55-66

Понятие гостеприимства занимает особое место в гуманитарном знании, поскольку соотносится с базовыми представлениями о границе между своим и чужим, допустимым и недопустимым, открытым и закрытым. В художественной литературе гостеприимство редко выступает как нейтральная социальная практика. Этот концепт оказывается нагруженным ценностно и прагматически, становясь формой испытания персонажей, пространством конфликта или зоной временного согласия.

В исследованиях последних десятилетий внимание к концептам как когнитивным и культурным образованиям существенно расширилось, однако гостеприимство чаще рассматривается в философском, антропологическом или этическом контексте [6, 13–15]. Его функционирование в художественном тексте, особенно на уровне конкретных языковых и коммуникативных механизмов, до сих пор остается фрагментарно описанным. Между тем именно литературное произведение позволяет проследить, как нормативные модели гостеприимства трансформируются, нарушаются или переосмысливаются в зависимости от жанра, авторской позиции и культурной традиции.

Настоящая статья обращается к анализу концепта гостеприимства в художественном тексте с опорой на лексико-семантический и прагматический подходы. В центре внимания находятся ситуации приема, визита, допуска и отказа, а также способы их языковой репрезентации. Материал исследования включает произведения русской и англоязычной литературных традиций, что позволяет рассмотреть, как универсальные, так и культурно специфические черты данного концепта. Такой сопоставительный ракурс дает возможность выявить устойчивые коммуникативные сценарии гостеприимства и проследить их роль в формировании смысловой структуры художественного текста.

Методологической основой исследования послужил комплексный подход, объединяющий лексико-семантический анализ, прагматику художественного текста и элементы герменевтического и семиотического чтения. Концепт гостеприимства рассматривается как многослойное образование, включающее языковую, когнитивную и культурную составляющие, что предполагает обращение к различным уровням текстовой организации.

Герменевтическая перспектива, в частности идеи Гадамера о диалогической природе понимания позволяет рассматривать гостеприимство как форму взаимодействия между автором и читателем, реализующуюся через игру ожиданий и интерпретаций [4, 175–178]. Художественный текст в данном случае отражает социальные нормы и вовлекает читателя в процесс их осмысления и пересмотра.

Важным теоретическим ориентиром выступают положения Ю. Кристевой о специфике женского письма и интертекстуальности, что особенно значимо при анализе текстов, созданных женщинами-авторами [8, 45–63]. Гостеприимство в этих произведениях нередко оказывается связано с телесным, пространственным и эмоциональным опытом, выходящим за рамки традиционных нормативных моделей.

Идеи Р. Барта о смещении авторской инстанции и о «удовольствии от текста» используются для анализа тех эпизодов, в которых сцены гостеприимства приобретают

амбивалентный характер и допускают множественность прочтений [1, 9–32]. В этом контексте значимым становится не только то, что изображено, но и то, каким образом читатель вовлекается в интерпретацию происходящего.

Прагматический анализ направлен на выявление коммуникативных сценариев гостеприимства, включая распределение ролей между участниками, стратегию речевых актов и последствия нарушения или отказа от гостеприимства. Дополнительно привлекаются элементы семиотического анализа пространства, восходящие к работам У. Эко, где дом, комната или порог рассматриваются как знаковые структуры, организующие повествование [14, 15–34].

Таким образом, выбранная методология позволяет рассмотреть концепт гостеприимства в художественном тексте как динамическую систему, в которой языковые средства, коммуникативные практики и культурные коды взаимодействуют, формируя сложное поле смыслов.

Материалом исследования послужили художественные тексты русской и англоязычной литературных традиций, в которых представлены развернутые сцены приема, визита, допуска в пространство дома или отказа в гостеприимстве. В качестве русскоязычного корпуса были выбраны произведения Н.А. Дуровой «Записки кавалерист-девицы», Е.П. Ростопчиной «Счастливая женщина» и «Нелюдимка», а также К.К. Павловой «Двойная жизнь». Данные тексты объединяет обращение к повседневным и пограничным коммуникативным ситуациям, в которых гостеприимство выступает значимым элементом сюжетной и смысловой организации. Англоязычный корпус включает произведения Дж. Остин «Emma», Ш. Бронте «Jane Eyre» и Э. Бронте «Agnes Grey», в которых мотивы визита, временного пребывания, допуска и исключения из домашнего пространства играют важную роль в формировании отношений. Выбор данных текстов обусловлен их репрезентативностью для соответствующих литературных традиций и возможностью сопоставительного анализа языковых и прагматических механизмов репрезентации гостеприимства.

Все рассматриваемые произведения доступны в общепринятых академических изданиях и электронных репозиториях, что обеспечивает воспроизводимость анализа. Корпус текстов позволяет выявить устойчивые лексико-семантические модели и прагматические сценарии гостеприимства, а также проследить различия в их функционировании в русской и англоязычной литературе.

Лексико-семантическая репрезентация концепта гостеприимства. В романе Ш. Бронте «Jane Eyre» концепт гостеприимства последовательно раскрывается через лексику пространства дома, приема и допуска, а также через описания пограничных ситуаций, связанных с пребыванием героини в чужом доме. Уже в ранних главах роман формирует устойчивую оппозицию между защищенным внутренним пространством и внешним миром, где героиня оказывается уязвимой и лишенной права на принятие. Сцена пребывания Джейн в доме Ридов демонстрирует модель формального, но фактически отказанного гостеприимства. Лексика, описывающая ее положение, включает слова и выражения, маркирующие исключение и дистанцию, такие как *outcast*, *dependent*, *unwanted* [17, 5–7]. Дом, который должен выполнять функцию защиты, оказывается пространством символического изгнания. Таким образом, гостеприимство здесь представлено не как акт приема, а как его отрицание, закрепленное на уровне языкового описания.

В эпизодах, связанных с Ловудской школой, гостеприимство приобретает иной характер. Оно выражено через лексику строгости, дисциплины и аскетизма, что формирует модель институционального приема. Слова *order*, *rule*, *plain fare* сопровождают описание пространства и подчеркивают условность допуска в сообщество [17, 54–56]. Гостеприимство в данном случае не предполагает эмоционального принятия, однако обеспечивает минимальные условия существования, что позволяет говорить о его нормативной, ограниченной форме.

Особое значение для анализа концепта гостеприимства имеет образ Торнфилд-холла. Здесь лексика приема и допуска сочетается с элементами тайны и неопределенности. Описания интерьера, использование слов *threshold*, *hall*, *chamber* формируют семантическое поле пространства, где гостеприимство оказывается сопряжено с сокрытием и напряжением [17, 112–115]. Джейн принимают в дом, однако ее статус остается неопределенным, что отражается в языковом оформлении сцен визита и проживания.

Лексико-семантический анализ романа «Jane Eyre» позволяет выделить несколько моделей гостеприимства, различающихся по степени открытости и условиям допуска. На уровне языка гостеприимство репрезентируется как динамическая категория, варьирующаяся от явного отказа до условного принятия, что обусловлено положением героини в социальной иерархии и структурой повествования.

Концепт гостеприимства в тексте Э. Бронте «Agnes Grey» реализуется в форме ограниченного или скорее условного допуска, что определяется статусом героини и условий ее гувернантской службы. Уже первые эпизоды пребывания Агнес в доме семьи Блумфилдов выстраиваются через лексику формальной вежливости, за которой скрывается отчуждение. Описания ее статуса сопровождаются словами *stranger*, *dependent*, *outsider*, подчеркивающими отсутствие подлинного принятия [16, 21–23].

Дом, в котором Агнес живет и работает, формально открыт для нее, однако лексика интерьера и повседневных взаимодействий фиксирует жесткую иерархию. Пространство распределено таким образом, что героиня постоянно оказывается «на периферии» домашней жизни. Упоминания отдельных комнат, запретов на участие в семейных трапезах и подчеркнутая дистанция в коммуникативном поведении формируют семантическое поле гостеприимства как терпимого присутствия, лишенного эмоционального содержания [16, 34–36]. В данном случае гостеприимство выступает как социальная обязанность. С точки зрения прагматики, коммуникативные акты в этих сценах направлены на постоянное напоминание о ее временном и зависимом положении. Это соответствует наблюдениям Ю. Кристевой о женском тексте, в котором пространство дома нередко оказывается местом скрытого давления и символического исключения [8, 52–55].

Если говорить о романе Дж. Остин «Emma», то модель гостеприимства здесь приобретает иной характер, и она тесно связана с социальным ритуалом визитов и приемов. Лексика гостеприимства здесь включает устойчивые формулы приглашения, визита и совместного пребывания, такие как *to call on*, *to receive*, *to invite*, которые структурируют повествование и задают ритм социальной жизни персонажей [15, 67–69]. Дом в «Emma» становится пространством наблюдения и интерпретации, а гостеприимство выступает некой формой социального взаимодействия, подчиненной негласным правилам.

Особое значение имеют сцены визитов, в которых нарушение или отклонение от норм гостеприимства приобретает прагматическое значение. Так, отказ от визита или задержка приглашения интерпретируются персонажами как знак социальной дистанции или скрытого конфликта [15, 102–104]. Здесь уместно обратиться к идее Х. Гадамера о «игре» как модели социального и художественного опыта, где каждый жест приобретает смысл только в рамках общего контекста взаимодействия [5, 87–90].

В отличие от «Jane Eyre» и «Agnes Grey», где гостеприимство связано с уязвимостью и зависимостью героини, в «Emma» оно функционирует как инструмент социального контроля. В тексте гостеприимство остается условным. За внешней вежливостью персонажей скрываются оценки, ожидания, что позволяет говорить о его нормативном и регулирующем характере. В этом аспекте сцены приема и визита подтверждают наблюдения Р. Барта о тексте как пространстве множественных смыслов, где внешне нейтральные действия порождают различные интерпретации у читателя [1, 18–20]. Анализ англоязычных текстов показывает, что концепт гостеприимства реализуется через устойчивые лексико-семантические поля, связанные с домом, визитом и допуском, однако наполняется различным содержанием в зависимости от жанра и социального контекста. Гостеприимство в этих произведениях выступает как регулируемый

коммуникативный механизм, который показывает структуру социальных отношений и положение женского субъекта в пространстве дома.

Романы «Jane Eyre», «Agnes Grey» и «Emma» объединяет принадлежность к англоязычной литературной традиции XIX века и сходный способ организации повествования вокруг женского субъекта, чье имя вынесено в заглавие. Мы полагаем, что заглавие в данном случае выполняет структурообразующую функцию, фиксируя точку зрения, через которую читатель воспринимает изображаемые события.

Во всех трех произведениях гостеприимство оказывается тесно связано с положением героини в пространстве дома и общества. Дом не является нейтральным фоном. Дом как живой персонаж постоянно проверяет границы допустимого присутствия. Джейн Эйр и Агнес Грей включены в чужое пространство на правах условного допуска. Эмма Вудхаус, обладая формальным контролем над домом, сама регулирует правила приема и исключения. Несмотря на различие социальных позиций, во всех случаях гостеприимство остается формой социального испытания, а не гарантированным актом принятия.

Вынесение женского имени в заглавие подчеркивает индивидуальность опыта и смещает акцент с событийной логики на внутреннюю перспективу. Гостеприимство здесь и социальный ритуал, и часть процесса самопознания и самоопределения героини. Реципиент вовлекается в оценку каждой сцены приема, визита или отказа через призму субъективного восприятия, что соотносится с герменевтической моделью чтения, в которой смысл возникает в диалоге текста и интерпретатора.

Показательно, что в русских текстах, выбранных для анализа, имена героинь не выносятся в заглавие. Заголовки «Записки кавалерист-девицы», «Счастливая женщина», «Нелюдимка», «Двойная жизнь» фиксируют социальную роль или форму существования. Это различие указывает на иную модель репрезентации женского опыта, где акцент смещен с персональной идентичности на положение в системе социальных и культурных координат.

Романы с женскими именами в заглавии демонстрируют модель повествования, в которой гостеприимство осмысливается через индивидуальный опыт героини и ее взаимодействие с пространством дома. Русская традиция склонна к типологизации и обобщению, что предопределяет иной способ включения мотива гостеприимства в структуру художественного текста. Сопоставление англоязычных романов с женскими именами в заглавии позволяет обозначить важную методологическую границу перед обращением к русскому материалу. В английской традиции индивидуальное имя в заглавии фиксирует субъектную перспективу и задает рамку интерпретации, внутри которой сцены гостеприимства прочитываются как часть личного опыта героини. Так, уже в «Jane Eyre» дом Ридов обозначается как пространство формального допуска, лишённого принятия: «I was a discord in Gateshead Hall» [17, 4], что сразу задает отрицательную модель гостеприимства как исключения.

Русские тексты XIX века демонстрируют иную стратегию. Отказ от номинативного заглавия в пользу обозначения социального статуса или состояния смещает акцент с индивидуальной биографии на типологическую модель существования. Это различие предопределяет иное функционирование мотива гостеприимства, который в русской литературе чаще соотносится не с самопознанием героини, а с ее положением в системе социальных иерархий.

В «Записках кавалерист-девицы» Н.А. Дуровой мотив гостеприимства носит подчеркнуто временный и условный характер. Прием героини в частных домах и на постоянных дворах сопровождается лексикой внешней учтивости без признаков включенности. Так, описывая один из визитов, повествовательница отмечает: «Меня приняли вежливо, но холодно, как принимают проезжего, которого не ждут» [7, 111]. Формула «приняли вежливо» сочетается с указанием на отсутствие ожидания, что создает модель формального гостеприимства без эмоционального содержания.

Пространство дома у Дуровой не закрепляется как место защиты. Напротив, оно остается промежуточным и нестабильным. В другом эпизоде подчеркивается краткость пребывания: «Я не чувствовала себя в доме, а лишь под кровлею» [7, 118]. Лексическое противопоставление «в доме» и «под кровлею» указывает на отсутствие подлинного допуска во внутреннее пространство.

В повести Е.П. Ростопчиной «Счастливая женщина» гостеприимство приобретает характер социального ритуала, за которым скрывается оценка и дистанция. Сцены визитов насыщены формулами внешнего радушия, которые, однако, не подтверждаются внутренним отношением. Героиня фиксирует это расхождение, отмечая: «Меня встретили с улыбкой, но не с сердцем» [12, 226]. Здесь лексика телесного жеста противопоставляется эмоциональной вовлеченности, что создает семантическую модель показного гостеприимства.

В «Нелюдимке» Ростопчиной мотив гостеприимства практически редуцирован и замещен лексикой отказа и уклонения. Дом осмысливается как пространство защиты от вторжения. Героиня подчеркивает нежелательность визитов: «Я не люблю гостей; они нарушают мой покой и требуют того, чего я дать не могу» [11, 265]. Отказ от гостеприимства здесь приобретает форму осознанной стратегии сохранения внутренней автономии.

Особое место занимает повесть К.К. Павловой «Двойная жизнь», где гостеприимство функционирует как внешняя социальная обязанность, не совпадающая с внутренним состоянием героини. Описывая приемы и визиты, Павлова использует лексику формальности: «Дом был полон людей, но пуст для нее» [10, 49]. Это высказывание фиксирует разрыв между физическим присутствием гостей и отсутствием подлинного принятия. Именно это позволяет рассматривать гостеприимство как ритуализированную, лишённую личного смысла практику. Исходя из ранее сказанного, стоит отметить, что в русской литературной традиции концепт гостеприимства репрезентируется преимущественно через лексико-семантические модели условного допуска, формального приема или сознательного отказа. В отличие от англоязычных текстов, где гостеприимство тесно связано с процессом индивидуального самоопределения героини, в русских произведениях оно чаще выступает индикатором социального давления и внутреннего разрыва между внешней ролью и личным опытом.

Сопоставление русскоязычных текстов позволяет выделить общую тенденцию: гостеприимство функционирует как механизм регуляции границ между публичным и интимным. Дом последовательно осмысливается как пространство контроля, самоограничения и защиты. В этом контексте обращение к идеям Анны Фрейд о защитных механизмах личности представляется продуктивным. Формализация приема, дистанцирование от гостей и предпочтение закрытости могут быть интерпретированы как стратегии психологической защиты, направленные на сохранение устойчивости субъекта в условиях социального давления [13, 23–45].

Прагматические сценарии гостеприимства. В русскоязычных текстах XIX века гостеприимство проявляется прежде всего, как коммуникативная ситуация с четко распределенными ролями и асимметрией власти. Инициатива приема, условия допуска и допустимые формы поведения определяются хозяином пространства, тогда как гость вынужден подстраиваться под заданный сценарий. Прагматический анализ показывает, что сцены гостеприимства редко направлены на установление равноправного контакта; они служат способом регулирования дистанции и контроля взаимодействия.

Текст «Записки кавалерист-девицы» показывает речевые акты, сопровождающие прием. Они носят сдержанный и формализованный характер. Хозяйская сторона ограничивается краткими репликами, фиксирующими допустимость пребывания, без развития диалога. Показателен эпизод, в котором Дурова отмечает: «Мне указали место и более не обращались ко мне» [7, 121]. Это высказывание отражает прагматическую структуру ситуации: жест допуска присутствует, коммуникативное включение отсутствует.

Молчание функционирует как значимый речевой акт, закрепляющий подчиненное положение гостя.

В прозе Е.П. Ростопчиной прагматическая организация гостеприимства приобретает более сложный характер. В «Счастливой женщине» речевые формулы приема избыточны и ритуализированы. Героиня фиксирует повторяемость одних и тех же выражений участия, которые не влекут за собой продолжения общения: «Мне говорили все, что говорят в подобных случаях» [12, 233]. Здесь стандартная формула выполняет функцию социального сигнала, подтверждающего соблюдение нормы, при этом диалог не переходит в личное взаимодействие. Прагматический эффект подобных реплик заключается в сохранении внешнего порядка и одновременном удержании дистанции.

«Нелюдимка» Ростопчиной демонстрирует коммуникативные сценарии гостеприимства, которые редуцированы до минимальных актов или заменены стратегией уклонения. Персонаж сознательно ограничивает речевое взаимодействие, подчеркивая это прямыми высказываниями: «Я отвечала кратко, чтобы разговор не продолжался» [12, 270]. Краткость реплики здесь выступает как прагматический инструмент завершения контакта. Отказ от развернутого диалога формирует модель контролируемого общения, где гостеприимство утрачивает коммуникативную функцию.

Прагматика гостеприимства «Двойной жизни» строится на расхождении между произносимым и переживаемым. Речевые акты приема исполняются без нарушения формы, однако их содержание оказывается пустым. В одном из эпизодов подчеркивается автоматизм происходящего: «Я говорила приветствия, не вслушиваясь в собственные слова» [10, 52]. Эта реплика фиксирует разрыв между речевым действием и внутренним участием. Гостеприимство превращается в социально обязательную речь, лишенную адресности.

С точки зрения психоаналитической интерпретации, подобные коммуникативные стратегии соотносятся с описанными Анной Фрейд механизмами защиты, направленными на сохранение психологических границ личности [13, 29–41]. Краткость, формальность и уклонение функционируют как способы регулирования эмоциональной нагрузки и предотвращения вторжения в личное пространство. В русских текстах эти механизмы проявляются последовательно и системно, что придает сценам гостеприимства характер напряженного социального ритуала.

В англоязычных романах XIX века сцены гостеприимства организованы как последовательность четко распознаваемых коммуникативных действий, в которых речевой акт приобретает определяющее значение. Приглашение, визит, допуск в дом и отказ сопровождаются формулами, закрепленными в социальной практике и ожидаемыми участниками взаимодействия. Прагматический анализ показывает, что гостеприимство здесь функционирует как регулируемый процесс, предполагающий интерпретацию каждого жеста и высказывания.

Ш. Бронте в своем романе «Jane Eyre» показывает прагматику гостеприимства с точки зрения выстраивания ее вокруг асимметрии статусов персонажей. В эпизодах пребывания Джейн в доме Ридов речевые акты ограничиваются указаниями и распоряжениями, которые не предполагают диалога. Характерна реплика миссис Рид: «Remain where you are; you are a dependent» [17, 9]. Высказывание фиксирует не только положение героини, но и формат коммуникации, в котором гостеприимство сводится к разрешению на физическое присутствие. Речь используется как инструмент закрепления иерархии.

Эпизоды Торнфилд-холла выявляют изменение прагматическую структуру. Допуск в дом сопровождается вежливыми формулами, которые оставляют пространство для интерпретации. Обращение мистера Рочестера «You may sit down» [17, 118] выполняет двойную функцию: оно разрешает действие и одновременно подчеркивает контроль хозяина над ситуацией. Гостеприимство реализуется через управляемую свободу, где каждое разрешение сохраняет след власти.

Коммуникативные сценарии гостеприимства строятся вокруг повторяемых формул дистанции в «*Agnes Grey*». Речевые акты, адресованные героине, носят предельно нейтральный характер и редко выходят за рамки служебного общения. Показателен эпизод, в котором Агнес отмечает: «I was addressed with civility, but seldom invited into conversation» [16, 37]. Отсутствие приглашения к диалогу приобретает прагматическое значение, обозначая границу допустимого участия в жизни дома.

В «*Emma*» Дж. Остин прагматика гостеприимства приобретает характер социального кода. Визиты и приемы сопровождаются устойчивыми речевыми формулами, которые интерпретируются персонажами как знаки расположения или отчуждения. Фраза «She was not invited to dine» [15, 164] становится событием повествования, поскольку отсутствие приглашения воспринимается как коммуникативный жест с ясным социальным смыслом. Гостеприимство здесь функционирует как система сигналов, требующих прочтения и оценки.

Речевые акты в «*Emma*» направлены на поддержание социальной гармонии и одновременно служат инструментом контроля. Вежливость и обходительность сопровождаются ожиданием ответного поведения, что делает гостеприимство частью регулируемой социальной игры. В этом контексте идеи Х.-Г. Гадамера о диалогической природе понимания оказываются продуктивными: значение коммуникативного действия формируется в процессе интерпретации, а не в самом высказывании [5, 87–90].

Прагматический анализ показывает, что гостеприимство в обоих корпусах функционирует как коммуникативная процедура. Слово, пауза и жест распределяют роли и закрепляют границы. Ситуация приема в художественном тексте выступает актом регулирования доступа к дому, к разговору, к приватности. Она задает режим взаимодействия и задает цену присутствия. Англоязычные романы демонстрируют высокую семиотическую насыщенность речевых актов. Приглашение, отказ от приглашения, разрешение сесть, форма обращения приобретают статус социально читаемых сигналов. Высказывания типа «You may sit down» [16, 118] или фиксация отсутствия приглашения «She was not invited to dine» [15, 164] оформляют гостеприимство как систему формальных шагов, в которых смысл возникает из распознаваемой нормы. Здесь действует модель герменевтического чтения: значение жеста определяется контекстом и ожиданием, а интерпретация становится частью повествования. Такая организация материала согласуется с гадамеровским пониманием текста как пространства взаимодействия, в котором смысл реализуется через событие понимания [5, 87–90].

Русскоязычные тексты фиксируют иной прагматический режим. Коммуникативный сценарий разворачивается через сокращение речи, избегание диалога, формализацию приветствий и усиление контролирующих жестов. Реплики типа «Мне указали место и более не обращались ко мне» [7, 121] задают структуру допуска без включения. Сцены Ростопчиной переводят гостеприимство в область социального принуждения и внутренней защиты, где речевой акт служит маркировкой дистанции и сохранения автономии: «Я отвечала кратко, чтобы разговор не продолжался» [12, 270]. В текстах Павловой речевое действие сохраняет внешнюю форму, теряя адресность: «Я говорила приветствия, не вслушиваясь в собственные слова» [10, 52]. Прагматика гостеприимства здесь выражена через режим самоограничения и психологической экономии.

Семиотическая перспектива позволяет уточнить роль пространства, поскольку прагматика гостеприимства опирается на знаковую организацию дома. У Эко пространство читается как система сигналов, где порог, зал, комната, стол формируют правила присутствия и допустимого поведения [14, 15–34]. В англоязычных романах дом чаще выступает сценой социального взаимодействия, с ясными правилами визита и приема. В русских текстах дом приобретает черты защищенной зоны, где гостеприимство сталкивается с задачей сохранения приватности и контроля внутреннего порядка. Семиотика дома формирует прагматику общения.

Дерридианское понимание гостеприимства вводит принципиальную напряженность между нормой и этической предельностью. Художественные тексты демонстрируют, что гостеприимство существует в режиме условий: допуск регламентируется статусом, репутацией, ролью, необходимостью, ожиданием ответной лояльности [6, 13–15]. Условность гостеприимства проявляется в англоязычных романах через социальный протокол, в русскоязычных через психологическую и социальную оборону. В обоих случаях акт приема обнаруживает свою зависимость от правил и границ.

Идеи Барта позволяют описать, как прагматические сцены производят многозначность и включают читателя в работу интерпретации. Формально нейтральные реплики и жесты становятся смыслообразующими, поскольку читаются как знаки отношений, власти, желания дистанции [3, 18–20]. Текст создает напряжение между сказанным и подразумеваемым, между произнесенной формулой и ее эффектом. Читатель постоянно реконструирует скрытую прагматику общения. Текст утрачивает закреплённость за единственным источником значения и разворачивается как поле интерпретации, в котором смысл возникает в процессе чтения [2, 384–386].

Кристева добавляет к этому измерение женского опыта и пограничности. В женских текстах сцены гостеприимства часто связываются с переживанием уязвимости, зависимого положения, вынужденного допуска или вытеснения из пространства дома. Коммуникативные стратегии героинь формируются вокруг управления границами, эмоциональной самозащиты и распределения доступности для Другого [8, 52–55]. Это проявляется и в гувернантских нарративах Бронте, и в русской прозе, где закрытость и дистанция приобретают смысл сохранения субъекта. Пограничные ситуации гостеприимства сопряжены с переживанием отвращения как реакции на угрозу нарушения границ субъекта, когда чужое вторгается в пространство так называемого «своего» и дестабилизирует идентичность [4, 8–12].

Психоаналитическая перспектива Анны Фрейд уточняет прагматический механизм этих стратегий. Краткость, формальность, избегание разговора, автоматизм приветствий выполняют функцию защиты, регулируя эмоциональную нагрузку и удерживая границы «я» [13, 29–41]. В англоязычных текстах защитные стратегии чаще проявляются в рамках социального протокола и статусной иерархии. В русских текстах они приобретают характер внутренней позиции героини и ее способа выживания в социально заданном пространстве.

Прагматическое сопоставление позволяет сформулировать общий вывод. В обеих традициях гостеприимство выступает механизмом управления границей между своим и чужим, а его коммуникативные формы организуют сюжет и отношения персонажей. Различие проявляется в доминирующем регистре. Англоязычные романы строят прагматику гостеприимства через социально читаемые речевые акты и протокол визита. Русскоязычные тексты акцентируют стратегию дистанции и защиты, где значимым становится сокращение речи, автоматизация формул и усиление приватной границы. Эта разница задает разные модели дома как знакового пространства и разные способы переживания гостеприимства в художественном тексте.

Проведенный анализ подтвердил, что концепт гостеприимства в художественном тексте функционирует как сложная многоуровневая структура, объединяющая языковые, коммуникативные и пространственно-знаковые элементы. Гостеприимство в рассматриваемых произведениях выступает смыслообразующим механизмом, через который литература осмысляет границы допустимого, формы включения и исключения, а также напряжение между публичной нормой и личным опытом.

Лексико-семантический анализ показал, что сцены приема и визита организуются вокруг устойчивых номинаций дома, порога, допуска и временного пребывания. Эти лексемы не являются нейтральными: они задают модальность взаимодействия и маркируют статус персонажа в пространстве повествования. Прагматический анализ выявил, что решающую роль в репрезентации гостеприимства играют речевые акты, молчание, сокращение диалога и автоматизация формул. Семиотическое прочтение

пространства позволило рассмотреть дом как знаковую систему, в которой распределяются роли, ожидания и формы контроля.

Сопоставление русской и англоязычной литературных традиций выявило различие доминирующих моделей гостеприимства. В англоязычных романах гостеприимство преимущественно организуется через социально распознаваемые речевые акты и протокол визита, которые требуют интерпретации и включают читателя в герменевтическую игру смысла. В русскоязычных текстах на первый план выходит стратегия дистанции и защиты, выраженная через формализацию приема, сокращение речи и акцент на приватной границе дома. Эти различия отражают разные культурные способы осмысления пространства и разные модели взаимодействия между субъектом и Другим.

Для наглядного обобщения результатов исследования представляется продуктивным свести ключевые наблюдения в таблицу.

Таблица 1.

Уровень анализа	Англоязычная традиция	Русская традиция
Лексико-семантический	Лексика визита, приглашения, допуска; дом как социальная сцена	Лексика временности, формальности, закрытости; дом как пространство контроля
Прагматический	Речевые акты с ясной социальной читаемостью; значение отсутствия приглашения	Сокращение диалога; автоматизация формул; уклонение как стратегия
Семиотический	Дом как место взаимодействия и интерпретации	Дом как зона защиты и разграничения
Позиция героини	Включенность через социальный протокол	Самоограничение и управление дистанцией
Функция гостеприимства	Регуляция социальных связей	Сохранение личных и психологических границ

Табл. 1. Репрезентация концепта гостеприимства в русской и англоязычной литературных традициях XIX века

Научная новизна исследования заключается в том, что концепт гостеприимства впервые рассмотрен как интегративная система, в которой лексико-семантический, прагматический и семиотический уровни анализа объединены в рамках сопоставительного литературоведческого исследования. В отличие от существующих работ, сосредоточенных преимущественно на философском или этическом понимании гостеприимства, данная работа демонстрирует, каким образом этот концепт функционирует непосредственно в художественном тексте и влияет на организацию повествования.

Новым является также обращение к женским текстам как к пространству, где гостеприимство систематически связано с переживанием пограничности, уязвимости и необходимости защиты. Привлечение идей Х.-Г. Гадамера, Р. Барта, Ю. Кристевой, У. Эко, Ж. Деррида и Анны Фрейд позволило выстроить методологическую рамку, в которой философские, семиотические и психоаналитические подходы соотносятся с конкретным текстовым анализом и не подменяют его.

Практическая и теоретическая значимость работы состоит в возможности применения предложенной модели анализа к более широкому корпусу художественных текстов. Перспективными направлениями дальнейшего исследования являются изучение

трансформации концепта гостеприимства в литературе XX–XXI веков, анализ автобиографической и модернистской прозы, а также расширение междисциплинарного диалога с культурной антропологией и дискурсивной психологией. Предложенный подход может быть использован как в литературоведческих, так и в лингвокогнитивных исследованиях, ориентированных на анализ культурных концептов в художественном дискурсе.

1. Барт Р. Смерть автора // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1989. С. 384–391.
 2. Барт Р. Удовольствие от текста. М., 1994.
 3. Барт Р. Фрагменты речи влюбленного. М., 1999.
 4. Гадамер Х. Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М., 2000.
 5. Гадамер Х.-Г. Что есть истина? // Логос. 1991. № 3. С. 173–190.
 6. Деррида Ж. О гостеприимстве. М., 2011.
 7. Дурова Н.А. Записки кавалерист-девицы. URL: <https://homeread.net/read/zapiski-kavalerist-devicy-nadezhda-durova?page=3#tx> (дата обращения 08.04.2026).
 8. Кристева Ю. Семиотика. Исследования по семанализу. М., 2004.
 9. Кристева Ю. Силы ужаса: Очерк об отвращении. М., 2003.
 10. Павлова К.К. Двойная жизнь. URL: http://az.lib.ru/p/pawlowa_k_k/text_1847_dvoynaya_zhizn.shtml (дата обращения 08.04.2026).
 11. Ростопчина Е.П. Нелюдимка. URL: http://az.lib.ru/r/rostopchina_e_p/text_0070.shtml (дата обращения 08.04.2026).
 12. Ростопчина Е.П. Счастливая женищина. URL: http://az.lib.ru/r/rostopchina_e_p/text_0160.shtml (дата обращения 08.04.2026).
 13. Фрейд А. Психология Я и механизмы психологической защиты. М., 1993.
 14. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб., 2004.
 15. Austen J. Emma. URL: <https://www.gutenberg.org/ebooks/158> (дата обращения 08.04.2026).
 16. Brontë A. Agnes Grey. URL: <https://www.gutenberg.org/ebooks/767> (дата обращения 08.04.2026).
 17. Brontë Ch. Jane Eyre. URL: <https://www.gutenberg.org/ebooks/1260> (дата обращения 08.04.2026).
-
1. Bart R. Smert' avtora // Bart R. Izbrannyye raboty: Semiotika. Poetika. M., 1989. S. 384–391.
 2. Bart R. Udovol'stviye ot teksta. M., 1994.
 3. Bart R. Fragmenty rechi vlyublennogo. M., 1999.
 4. Gadamer Kh. G. Istina i metod. Osnovy filosofskoy germeneytiki. M., 2000.
 5. Gadamer Kh.-G. Chto est' istina? // Logos. 1991. № 3. S. 173–190.
 6. Derrida Zh. O gostepriimstve. M., 2011.
 7. Durova N.A. Zapiski kavalerist-devitsy. URL: <https://homeread.net/read/zapiski-kavalerist-devicy-nadezhda-durova?page=3#tx> (data obrashcheniya 08.04.2026).
 8. Kristeva Yu. Semiotika. Issledovaniya po semanalizu. M., 2004.
 9. Kristeva Yu. Sily uzhasa: Ocherk ob otrashchenii. M., 2003.
 10. Pavlova K.K. Dvoynaya zhizn'. URL: http://az.lib.ru/p/pawlowa_k_k/text_1847_dvoynaya_zhizn.shtml (data obrashcheniya 08.04.2026).
 11. Rostopchina E.P. Nelyudimka. URL: http://az.lib.ru/r/rostopchina_e_p/text_0070.shtml (data obrashcheniya 08.04.2026).
 12. Rostopchina E.P. Schastlivaya zhenshchina. URL: http://az.lib.ru/r/rostopchina_e_p/text_0160.shtml (data obrashcheniya 08.04.2026).
 13. Freyd A. Psikhologiya Ya i mekhanizmy psikhologicheskoy zashchity. M., 1993.
 14. Eko U. Otsutstvuyushchaya struktura. Vvedenie v semiologiyu. SPb., 2004.
 15. Austen J. Emma. URL: <https://www.gutenberg.org/ebooks/158> (data obrashcheniya 08.04.2026).

16. Brontë A. Agnes Grey. URL: <https://www.gutenberg.org/ebooks/767> (data obrashcheniya 08.04.2026).
17. Brontë Ch. Jane Eyre. URL: <https://www.gutenberg.org/ebooks/1260> (data obrashcheniya 08.04.2026).

Информация об авторе

Александра Игоревна Кривоносова,
Государственный Академический Гуманитарный
Университет (ГАУГН) (Москва, Россия).
119049, Москва, Мароновский пер., 26
Старший преподаватель,
преподаватель-исследователь.
Научные интересы: герменевтика и семиотика
художественного текста, поэтика и символика
литературных произведений, художественная
деталь, когнитивная лингвистика, анализ
англоязычной литературы.
ORCID ID: 0009-0009-5876-8059
SPIN-код: 5079-2747, AuthorID: 900808
E-mail: akrivonosova@gaugn.ru

Information about the author

Alexandra I. Krivonosova
State Academic University for the Humanities
(GAUGN) (Moscow, Russia).
119049, Moscow, 26 Maronovsky Lane.
Senior Lecturer, Researcher.
Research interests: hermeneutics and semiotics
of the literary text, poetics and symbolism
of literary works, artistic detail,
cognitive linguistics, analysis
of English-language literature.
ORCID ID: 0009-0009-5876-8059
SPIN-code: 5079-2747, AuthorID: 900808
E-mail: akrivonosova@gaugn.ru

Поступила в редакцию 15.03.2026;
одобрена после рецензирования 06.05.2026;
принята к публикации 06.05.2026;
опубликована 23.06.2026.

The article was submitted 15.03.2026;
approved after reviewing 06.05.2026;
accepted for publication 06.05.2026;
published 23.06.2026.

Ссылка для цитирования: Кривоносова, А.И. Концепт гостеприимства в художественном тексте: лексико-семантический и прагматический анализ (на материале русской и англоязычной литературных традиций) // *Philologos*. 2026. № 2 (69). С. 55–66. DOI: 10.24888/2079-2638-2026-69-2-55-66.

For citation: Krivonosova, A.I. The concept of hospitality in a literary text: lexico-semantic and pragmatic analysis (based on russian and english literary traditions) // *Philologos*. 2026. No. 2 (69). Pp. 55–66. DOI: 10.24888/2079-2638-2026-69-2-55-66.

Права: © А.И. Кривоносова (2026). Опубликовано Елецким государственным университетом им. И.А. Бунина. Открытый доступ на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0).